

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Юрий ОРЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
факультета подготовки специалистов для подразделений следствия
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the analysis of the scientific basis of socio-legal crime evaluation as a political one. The author makes conclusion about the relativism of socio-legal evaluation, as well as about the constructivist nature of political crime. Based on the analysis of the legislation on the rehabilitation of victims of political repressions in Ukraine the author grounds such a feature of Crime recognition of political practices, as deferred character. The latter expresses the dependence of public opinion and judgment about the crime or the legitimacy of political activity from temporary and ideological factors. The latter are crucial for legal evaluation. The features of the system of the norms of criminal legislation of Ukraine establishing criminal liability for political crimes are defined.

Key words: socio-legal evaluation, political crime, repression, historical experience, transformation of outlook, deferred character.

Аннотация

Статья посвящена анализу научных оснований социально-правовой оценки преступления как политического. Делается вывод о релятивизме социально-правовой оценки, а также о конструктивистской природе политического преступления. На основании анализа законодательства о реабилитации жертв политических репрессий в Украине обосновывается такой признак признания преступности политических практик, как отсроченный характер, который выражает зависимость общественного мнения и суждений о преступности или правомерности политической деятельности от временных и мировоззренческих факторов. Последние являются определяющими для правовой оценки. Выявлены черты системы норм уголовного законодательства Украины, устанавливающие уголовную ответственность за политические преступления.

Ключевые слова: социально-правовая оценка, политическое преступление, репрессии, исторический опыт, трансформация мировоззрения, отсроченный характер.

Постановка проблемы. Проблема преступности является на сегодняшний день одной из наиболее острых общественных и сугубо политических проблем мирового масштаба. Особое беспокойство в этом смысле вызывает интенсификация именно политической преступности, которая, встраиваясь структурно в процессы глобализации, приобретает новые формы. Причем их общественная опасность проявляется не только в актуальном причинении вреда, а и в отдаленных деструктивных последствиях для целых поколений. Поэтому противодействие политической преступности, своевременное извлечения уроков из истории является не только криминологической задачей, но и моральным долгом перед будущими поколениями. Однако успешная деструкция криминально-политических практик возможна только на развитой научной основе, в которой понимание политического преступления является одной из наиболее существенных составляющих.

Актуальность темы исследования. Теоретические и прикладные про-

блемы социально-правовой оценки политического преступления отражены в трудах А.М. Бандурки, Б. Вассони, С. Вибера, В.А. Глушкова, В.В. Голины, Г.Н. Горшенкова, Л.Н. Дунаевой, В.Н. Дрёмина, Н.А. Зелинской, П.А. Кабанова, В.В. Лунеева, О.М. Литвака, А.В. Мальяр, А.А. Музыки, В.С. Овчинского, А.Л. Сморгуневой, В.А. Шабалина, Д.А. Шестакова, Г.Й. Шнайдера, Т.Р. Янга и др. Однако криминологическая наука до сих пор не оперирует определённым научным подходом к оценке политически мотивированных деяний как преступных, в том числе и в контексте исторического анализа.

Цель статьи – определить, описать и объяснить научные основания социально-правовой оценки преступления как политического.

Изложение основного материала. Политическое преступление можно, по нашему мнению, определить как предусмотренное законом об уголовной ответственности умышленное общественно опасное деяние, направленное на получение, удержание государственной власти, изменение отдельных ее

составляющих (органов, должностных лиц, программы развития, идеологии и пр.), а также общественной мысли о функционировании такой власти¹. Таким образом, ключевыми признаками политического преступления, отражающими его криминологическую природу, являются: 1) политическая направленность, которая детализируется через указанные выше цели; 2) наличие надлежущей правовой и социальной оценки. И если первый признак является достаточно конкретным, то второй представляет определенную проблему для определения, которая заключается в следующем.

Прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что надлежущая уголовно-правовая и криминологическая оценка определенного политически мотивированного действия или целой системы соответствующих практик не всегда оказывается возможной в течение относительно короткого промежутка времени. История свидетельствует, что, как правило, требуется достаточно длительное время (иногда несколько поколений), чтобы в обновленных культурных, экономических, политических условиях по-другому определить действительное социальное значение

¹ Докладную аргументацию изложенного определения см. в статье автора: Орлов Ю.В. Феномен политической преступности // Legea si Viata. – 2014. – № 10/2. – С. 117–120.

прежних законодательных положений, направленных на реализацию деятельности органов государственной власти, отдельных должностных лиц (или наоборот, деятельности тех, кто в уголовно наказуемых формах, в том или ином виде противодействовал политике государства).

Дело в том, что политическое преступление как таковое является релятивным социальным конструктом, ведь помимо прочего зависит (в большинстве случаев) от политической и общественной оценки. Как показывает практика, одно и то же поведение, де-юре являющееся преступным, де-факто не всегда находит аналогичную оценку в обществе, и наоборот. И речь идет даже не о различных оценках в обществах разных стран (чему может быть вполне логичное объяснение), а об оценках внутри общества одной страны как после длительной исторической эволюции, так и на относительно коротком отрезке времени. Так, например, политические репрессии советского периода объективно могли быть оценены только после изменения базовых мировоззренческих основ государственной политики, сопровождаемых кардинальными. В частности, только с началом необратимых изменений в политической системе СССР и принятием Закона УССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г. был официально признан общественно опасный характер деятельности советской власти в течение длительного периода. В преамбуле этого закона говорится: «После 1917 г., в период гражданской войны и последующие десятилетия на земле Украины пролилось много человеческой крови. Миллионы невинных людей на основании *антигуманных и антидемократических законов и в результате прямого беззакония и произвола* (курсив – Ю. О.) подверглись преследованиям за свою политическую деятельность, высказывания и религиозные убеждения» [1]. И этот пример является достаточно показательным и ценным как с общественной, так и научной (криминологической) точки зрения, так как позволяет установить определённые ориентиры и принципы в оценке политических преступлений в настоящем и будущем.

В истории отечественной правотворческой практики это было первое

политическое решение, которым по сути признавалась преступность деятельности целого управленческого звена всего государственного аппарата, а также правоохранительных органов по отношению к гражданам, направленная на ущемление их гражданских и политических прав, утверждение тоталитарного политического режима. Подчеркнём, что решение это является политическим. А иначе и быть не могло, ведь с юридической точки зрения так называемые репрессивные органы действовали в рамках закона. Именно поэтому фактически неправовыми признаны целые статьи законов об уголовной ответственности, по которым происходили криминальные политические преследования. В частности, в ст. 1 указанного закона говорится о том, что признать реабилитированными лиц, которые были осуждены внесудебными органами («двойками», «тройками») за так называемые контрреволюционные преступления, а также за: а) антисоветскую агитацию и пропаганду по ст. 7 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г. и ст. 62 Уголовного кодекса Украины в редакциях до принятия Закона Украинской ССР от 28 октября 1989 г. «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 14 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украинской ССР»; б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, то есть по ст. 187-1 Уголовного кодекса Украины; в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, посягательство на личность и права граждан под предлогом взимания религиозных обрядов, если совершенные действия не были соединены с причинением вреда здоровью граждан или половым развратом [1].

Более того, Постановлением Верховной Рады Украины «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» от 24 декабря 1993 г. № 3812-ХІІ в п. п. 4, 7 изложен перечень действий, которые составляют содержание политических репрессий, а именно: а) объявление приговора, определения

(постановления) судом первой инстанции или решения (постановления) внесудебным органом о применении уголовного наказания, отправление в ссылку и высылку без предъявления обвинения в конкретном преступлении; б) вынесение судом или внесудебным органом решения о необоснованном применении принудительных мер медицинского характера; в) вынесение постановления об аресте и содержании под стражей в случае закрытия дела на предварительном следствии или в судебном порядке; г) принятие решения местными органами власти, должностными лицами или общественными организациями о применении репрессии в административном порядке [2].

При этом интересным является политико-правовой контекст этих правовых норм. Он выражает не только декриминализацию соответствующих действий в связи с утратой ими общественной опасности. Необходимость в реабилитации невинно осуждённых возникает в случае признания неправовым целого порядка государственного управления по определенным направлениям, неотъемлемой частью которого были правотворческие и правоприменительные инструменты. Таким образом, косвенно констатируется и преступность действий должностных лиц органов государственной власти. Вместе с тем такая констатация основывается не на нормах действующего законодательства, а на *общечеловеческих гуманистических ценностях, принципах либерального общественного и государственного устройства*; не на концепции юридического позитивизма, а скорее на естественно-правовой концепции. Последняя нашла своё основательное развитие в пределах криминологической науки в трудах академика А.Н. Костенко. Так, ученый отмечает, что, исходя из идеи существования «законов социальной природы», которые включают, в частности, законы естественного права, следует решать фундаментальные вопросы юриспруденции и криминологии: «Почему кража является преступлением – потому, что так следует из желаний и представлений людей, или потому, что она нарушает законы социальной природы, и люди, независимо от их желаний и представлений, вынуждены, согласно законам природы, признавать

кражу преступлением?» [3, с. 197]. Согласно социальному натурализму, который основан на признании существования законов социальной природы, кража нарушает определенный закон социальной природы, а люди должны узнать указанный закон и отразить это в соответствующем законодательстве, которое обеспечивало бы соответствующими средствами выполнения его людьми в общественной жизни. Это касается не только кражи, но и любого другого преступления.

Действительно, социально-правовая оценка деяния как преступления во многом является делом ситуативной целесообразности, продуктом социального контекста политических взаимодействий, воплощенных в законе. И это является объективным явлением. Социальная динамика столь же естественна, как и базовые, «малоподвижные» в содержательном, временном и территориальном измерении культурные нормы, обуславливающих ряд неизблемых в течение веков фундаментальных ценностей, посягательство на которые неизменно толкуется как преступление. Среди них, в частности, так называемые «вечные преступления» – убийства, кражи, разбои, изнасилования и тому подобное. Вместе с тем трансформации общественного сознания с объективной необходимостью влекут за собой потребность в научной и чисто социальной ревизии некогда естественно актуальных норм права. Такой пересмотр в отдельных случаях сопровождается признанием деструктивного их значения, имевшего место в прошлом. И в этом выражается не только юридическая, профессиональная оценка, но и этическая. Поэтому официальная реституция общественного порядка в виде отмены тех или иных норм позитивного права должна основываться, таким образом, на качественно ином мировоззрении, воплощенном в политической воле. Без изменения исходной системы координат невозможно оценить общественно опасный характер некоторых разновидностей политических практик, определить их как преступные.

Заметим, что фиксация подобного движения социальной материи во времени, в результате которого констатируются качественные преобразования её идеологических, культурных основ

существования, может быть применена как инструмент криминологического анализа политической преступности, однако только лишь *в контексте её внутригосударственных проявлений*. То есть речь идет об определенной форме исторической самокритики, своеобразного катарсиса в масштабах общества. Хотя и такие сдвиги в культурно-психологических основах социального развития не всегда могут быть четко идентифицированы, описаны и объяснены. Не в каждом случае приходится говорить о действительной фундаментальной переоценке прошлого в понимании взаимной ответственности поколений.

В этом контексте интересными представляются рассуждения А.С. Кончаловского, который, рефлексировав на тему русского национального характера, приходит к следующему выводу: «Чувство вины – это чувство хозяина. Именно поэтому наивными выглядят призывы всенародно покаяться за злодеяния большевизма. Я считаю, что чувство исторической вины за нацизм, которое продемонстрировал немецкий народ, – свидетельство того, что эта нация способна нести ответственность за те трагические годы, когда ею был сделан осознанный выбор, обернувшийся чудовищными злодеяниями против человечества. Мы же чувством исторической вины не страдаем – мы уверены в том, что нам большевизм был навязан, вбит в душу гвоздями, и мы ни в чём не виноваты, виноваты «ОНИ»!» [4, с. 64]. Полагаем, высказанные А.С. Кончаловским черты русского национального характера в определенной степени присущи и для украинских людей, что обусловлено многолетним совместным способом организации жизнедеятельности. И не потому ли вопрос демонтажа памятников отдельных политических деятелей советской эпохи вызывают немалый общественный резонанс, а идеи сталинизма, воинствующего постсоветского империализма угрожают реинкарнацией?

Впрочем, трансформация общественного сознания – процесс длительный. И пока оно не приобретет новые, контрверсионные по отношению к бывшей господствующей идеологии конфигурации, параметры, невозможно говорить о преступности или правомерности тех или иных политически

обусловленных (как предусмотренных законодательством, так и не предусмотренных) государственных или антигосударственных практик.

Вместе с тем прогресс гуманитарной мысли, воплощенный прежде всего в современном законодательстве, дает определенные «точки опоры», которые могут несколько снизить степень зависимости социально-правовой, криминологической оценки соответствующих действий как политических преступлений от фактора отсроченности. *В независимости от общественного отношения и официальной политической позиции государства* на сегодняшний день и на относительно определенную перспективу можно выделить определенные группы деяний, которые однозначно должны рассматриваться как политические преступления. Для выполнения этой задачи обратимся к существующему отечественному опыту, ведь из истории нужно извлекать уроки, которые необходимо закладывать в фундамент криминологической и уголовно-правовой политики.

В этом смысле ценны положения ст. 2 Закона УССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», в которой закреплён перечень деяний, за которые лица *не могут быть реабилитированы, а именно*: а) за измену родине, шпионаж, диверсии, вредительство, саботаж, террористические акты; б) за преступления против человечества и человечности, карательные акции против мирного населения, убийства, истязания граждан и пособничество в этом оккупантам в период Великой Отечественной войны; в) за вооруженные вторжения на территорию Украины, организацию вооруженных формирований, которые совершали убийства, разбои, грабежи и другие насилия, и личное участие в совершении этих преступлений [1].

Из этого перечня следует, что каким бы высокими побуждениями не руководствовалось лицо, какой бы контрреволюционной (а в современных условиях – антиглобализационной, «миротворческой» и пр.) ни была её деятельность, если в ней содержатся признаки указанных выше преступлений, то она безапелляционно считается преступной. Ведь ни одна политическая цель не может быть достигнута за счет человеческой жизни и государственно-

го суверенитета (в частности, в пределах границ, установленных согласно международному порядку после Второй мировой войны). Это неприемлемо. Поэтому есть неоспоримая черта, за которой снимается вопрос о вариативности содержания понятия политического преступления: там, где есть пренебрежение национальной безопасностью, посягательство на мир и безопасность человечества, человечность, жизнь отдельных людей, терроризм, там преступления без альтернативы морализации. По этой же логике, одной умозрительной идеей не может быть оправдано вооруженное вторжение на территорию суверенного государства.

Современное развитие правовой доктрины привело к тому, что перечень подобных общественно опасных политических мотивированных действий с достаточной полнотой отражен в национальном законодательстве об уголовной ответственности большинства цивилизованных стран мира. Как правило, этот перечень имеет структурную обособленность. В Уголовном кодексе Украины – это раздел I Особенной части «Преступления против основ национальной безопасности Украины», где сконцентрированы уголовно-правовые нормы, которые в своем большинстве определяют преступления политической направленности. К таким преступлениям также относится и большинство из предусмотренных разделом XX Особенной части Уголовного кодекса Украины «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка», а именно: преступления, предусмотренные ст. ст. 436–437, 439, 440, 442–445, 447 Уголовного кодекса Украины. Отдельную группу преимущественно политических преступлений составляют и преступления против избирательных прав, предусмотренных ст. ст. 157–160 Уголовного кодекса Украины (так называемая электоральная преступность).

Политически мотивированными является и большая часть *террористических актов*, совершаемых не только в Украине, но и во всем мире. Впрочем, для отнесения группы преступлений, связанных с терроризмом (ст. ст. 258–258-5 Уголовного кодекса Украины) к исключительно политическим преступлениям нет достаточно оснований, учитывая особенности составов этих

преступлений и вероятность существования мотивов аполитичного характера (религиозного, личностного и т. д.) при их совершении. Аналогичным образом следует подойти к возможности отнесения к политическим некоторым преступлениям против *авторитета органов государственной власти, местного самоуправления и объединений граждан*, а именно: вмешательство в деятельность государственного деятеля (ст. 344 Уголовного кодекса Украины), угроза или насилие в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 346 Уголовного кодекса Украины), препятствование деятельности народного депутата Украины и депутата местного совета (ст. 351 Уголовного кодекса Украины). В подавляющем большинстве случаев совершение этих преступлений связано с достижением целей политического характера. Не теряют своей актуальности и такие виды политически мотивированной (в ряде случаев) криминальной активности, как *незаконное помещение в психиатрическое учреждение* (ст. 151 Уголовного кодекса Украины), *действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды* (ст. 161 Уголовного кодекса Украины), *препятствование законной профессиональной деятельности журналистов* (ст. 171 Уголовного кодекса Украины) и некоторые другие.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод, что перечень политических преступлений, хотя и не является жестко фиксированным и далеко не исчерпывается только преступлениями против основ национальной безопасности, все же в рамках национального законодательства устанавливается с достаточной четкостью. На сегодняшний день это в полной мере позволяет опираться на букву закона в тех случаях, когда возникают ситуации идеологической конфронтации. Поэтому основные трудности по противодействию политической преступности во внутригосударственном измерении смещаются со сферы криминологической и уголовно-правовой доктрины, право творчества в сферу правоприменения. Несмотря на это, следует также понимать и относительность устойчивости указанных нормативно-правовых основ, возможности манипуляции ими в политических целях путём придания

ложного толкования, распространяемого среди населения государства. Но жизнь вносит собственные коррективы в искусственные конструкты, такие как системы права, социальные мифы и пр. Поэтому не стоит исключать вероятности идеологически и юридически обоснованной оценки в будущем как политических преступлений тех деяний, которые имеют место в настоящее время и признаются правомерными. Задача криминологии в этом смысле заключается в том, чтобы: 1) на основании имеющегося национального опыта и сравнительного анализа обеспечить своевременное выявление, описание и объяснение признаков готовящейся или осуществляемой политической преступной деятельности; 2) обеспечить субъектов противодействия преступности научно обоснованным инструментарием (правовых, политических, дипломатических и других мер) её предупреждения или пресечения.

Отдельно отметим, что мало разработанным именно на доктринальном уровне остается международно-правовое измерение определения преступности и правомерности политических практик. В нем можно выделить по меньшей мере три проблемных направления: 1) оценка иностранными государствами и международными организациями событий, происходящих внутри другого государства как политического преступления (преступлений) со стороны власти по отношению к своим гражданам; 2) оценка иностранными государствами и международными организациями как политических преступлений актов вмешательства (вооруженных, политических, экономических и т. д.) одной страны в дела (на территорию) условно третьего суверенного государства; 3) правовая и криминологическая оценка деятельности международных (межгосударственных) организаций, объединений, блоков. Указанные направления открывают дополнительные перспективные зоны научного поиска.

Список использованной литературы:

1. О реабилитации жертв политических репрессий на Украине : Закон УССР от 17 апреля 1991 г. № 962-XII [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/962-12>.

2. О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» : Постановление Верховной Рады Украины от 24 декабря 1993 г. № 3812-ХІІ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3812-12>.

3. Костенко А.Н. Модернизация доктрины современной криминологии в парадигме социального натурализма / А.Н. Костенко // Вестник Ассоциации уголовного права Украины. – 2014. – № 2. – С. 190–208.

4. Кончаловский А.С. На трибуне реакционера / А.С. Кончаловский, В.Б. Пастухов. – М. : Эксмо, 2007. – 320 с.